

Елена Палашек

Мне много зим, но мало лет

Твердое море

Ах ты твердое, черное море,
разбивается тело о волны.
Я раскиснуть себе не позволю
ни взаправду и ни притворно.
Не гребу, отгребаю холод.
    Берег дальше, чем мне хотелось.
    Бабым летом согретый город
превращается в окаменелость.
Волнорез затянул побережье.
Пояс жизни – моллюскам раздолье.
За него заплывала и прежде
пропитаться геройством, как солью.
Осень. Смысл в безоглядном просторе.
    Мне раздолья в сезон не хватало.
    Разбиваюсь о волны устало.
Ах ты твердое, черное море.

* * *

Вечер печеным мясом долго томится в духовке.
Кошка гостей не любит, просто лежит у двёри.
Лоб на стекло, поближе к белой татуировке:
вдруг да во тьме увижу, да и глазам поверю.
Мысли секунды ловят, хочется выть неустанно:
– Как я вранье ненавижу и молчаливый зуммер.

Может, другую встретил и не пришел.
Гуманно
тут не о худшем думать.
Может, ты просто умер?

Море под окном

Люблю смотреть на зиму из окна.
Прибило к берегу прибрежного дракона.
Он спину выгнул. Там, где глубина
чешуйки белой кожи. У понтона
страшает чаек колкая вода.
Загадка для меня, что те не мерзнут.
У горизонта черточки – суда.
«Вид из окна достоин томной прозы», –
мне некто ломким голосом шепнул.
Помпонят воробьи на белых шапках
деревьев – это ветер взял отгул.
«Пойдем гулять с тобой в прибрежном парке», –
мне некто снова шепчет, приобняв.
Я дую на окно, улыбку пряча.
А мой дракон к весне стремится вплавь,
хотя доплыть пока что сверхзадача.

МЫ КВИТЫ

Сочатся облака, как майский мед,
и звезды липнут к небу, как магниты:
у неба металлический налет.
Мы квиты.
Я не спрошу, не получу ответ.
Обиды все давно уже забыты.
Мне много зим, но очень мало лет.
Мы квиты.
Магнит ослаб – и мучит звездопад.

Желания похожи на молитвы.
Никто из нас уже не виноват.
Мы квиты.

* * *

Если просто читаю запойно с утра Пастернака,
козерог через месяцы скачет и скачет в январь,
день в постели валяется старой ленивой собакой,
и решает судьбу талисман – отрывной календарь.
Если знаки судьбы обнаружат, что годы на свалке,
а любовь упирается в косноязычие фраз,
загоняю себя в катакомбы души, словно сталкер,
и иду обреченно спасать непонятливых нас.
Если делаю шаг и встречаюсь уже с новым веком
(для поэта вакансию, Боже, в раю сохрани),
понимаю, что мы далеки от ошибок ацтеков,
но, увы, мы все ближе к богам первобытной резни.

Улыбка коровы

Вдруг да коровы, да в небо упрутся рогами,
тут же на шею повесят им колокола.
Звон колокольчиков – плоть с язычками-грехами,
слушаю я, отмечтав, отлюбив как смогла.
Вдруг да словами, похожими на разнотравье,
боль отгоняю, как муху с коровы в хлеву,
мне помогает улыбка ее. Нет, не вправе
не дописать, не наполнить цветами главу:
нежностью, пылкостью, грустью, животной обидой.
В новой главе будут лето, быки и герой
где-то в Испании между судьбой и корридой –
где на рога натывается свод голубой.
В новой главе, вспоминая улыбку коровы,
буду жалеть, ведь убили красавца-быка.
Бродят в лугах сытных парнокопытные вдовы,

чтобы хватило для ванны моей молока.
Лягу в нее и усну, и проснусь, ой, с героем,
чтоб зацелованной быть всю главу напролет –
между Одессой и степью тexasской – ковбоем.
Странно, рога не вонзаются вновь в небосвод.

